

(9) *Неси* (номин.) *панIрус* (1)*чIугваз* (деепр.) *столдихъ* (2)*ацукънавай* (плюсквамперф.) 'Хозяин (2)сидел за столом, (1)курят сигареты'.

Падеж субъекта действия координирует с основным предикатом. Эргатив – с переходным глаголом в роли основного сказуемого (8), номинатив – с непереходным глаголом в роли основного сказуемого (9). Конструкция с сочинительными отношениями, более близкая к приведенной русской, выглядела бы следующим образом:

(10) *Неси* (номин.) *столдихъ* (1)*ацукънавай* (плюсквамперф.), *ва ада панIрус* (2)*чIугвазвай* (паст през.) 'Хозяин за столом (1)сидел, и он сигареты (2)курил'.

Как видим, для построения сочинительной конструкции с односубъектными переходным и непереходным глаголами субъект действия приходится обозначать в каждой части предложения (*неси* 'хозяин', *ада* 'он'). Если оба глагола непереходные (или переходные), то оформление сочинительных отношений между ними более сходно с русским языком. Ср.:

(11) *Адан фикир лап яргъариз* (1)*фенвай* *ва Агъ-меда ви-лик эцигай теклифдиз жаваб* (2)*жагъуриз гъавалат хъанвай* (А.И.) 'Он сильно (1)задумался и (2)искал ответ на предложение Ахмеда'.

При разносубъектном таксисе сочинительные отношения между глаголами в таких конструкциях тоже сходны с русским языком, например:

(12) *Рак* (1)*ахъазвай*, *амма кIвале касни* (2)*авачир* (С.) 'Дверь (1)была открыта, но в доме никого (2)не было'.

Он тосковал и хотел как-нибудь утешиться (И. Эренбург).

Порядок предикатов соответствует причинно-следственным связям.

(13) *Ам пис* (1)*галат хъанвай* *ва ацукънавай чкадал* (2)*ахварал физвай* (У.) 'Он сильно (1)устал и прямо сидя (2)засыпал'.

При односубъектности предикатов такие конструкции русского языка семантически соотносительны с конструкциями зависимого таксиса с деепричастиями. Ср.: *Тоскуя, он хотел утешиться*. Такое возможно и в лезгинском языке. Ср.: *Пис* (1)*галат хъанваз* (перфектное деепр.), *ам гъа ацукънавай чкадал* (2)*ахварал физвай* (1)*Будучи сильно уставшим, он, сидя, (2)засыпал*'.

Сочинительные конструкции с независимым таксисом представляют интерес в том случае, если соответствующие таксисные отношения оформляются в лезгинском языке какими-либо зависимыми глагольными формами. Одновременность действий создаётся в русском языке за счёт отнесённости к одному и тому же временному плану действий, обозначенных глаголами НСВ. В лезгинском языке в аналогичном соотношении могут находиться и предикаты, обозначенные формами СВ – перфектными формами, которым в русском языке соответствуют глаголы НСВ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондарко, А.В. Принципы функционирования грамматики и вопросы аспектологии/А.В. Бондарко. М., 2001.
2. Недеялков, И.В. Зависимый таксис в разноструктурных языках: значение одновременности/предшествования/следования// Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность / вариантность. СПб.: Наука, 2002.
3. Храковский, В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // ВЯ. 2003. №2.

УДК 809.24/29.00/36:808.2

Ханбалаева С.Н.

Московский институт экономических преобразований

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЗАВИСИМОГО И НЕЗАВИСИМОГО ТАКСИСА В ЛЕЗГИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ*

Аннотация. В статье речь идет о различиях зависимого и независимого таксиса в русском и лезгинском языках. При этом зависимому таксису в лезгинском языке функционально полностью соответствует придаточное времени в русском языке, трактуемое как независимый таксис.

Ключевые слова: зависимый и независимый таксис, таксисные отношения, деепричастие, конверб, финитная форма глагола.

S. Hanbalaeva

DIFFERENCE OF DEPENDENT AND INDEPENDENT TAXIS IN THE LEZGIN AND RUSSIAN LANGUAGES

* Ханбалаева С.Н.

Abstract. The article deals with the differences of dependent and independent taxis in the Lezgin and Russian languages. So functionally, a dependent taxis is completely consistent with the adverbial modifier of time in Russian, considered as independent taxis.

Key words: dependent and independent taxis, taxis relations, adverbial participle, converb, finite verbal form.

Характер разграничения зависимого и независимого таксиса в сравниваемых языках является наиболее существенной чертой типов таксиса в них. Разграничение двух типов отношений, стоящих за понятиями *зависимого* и *независимого* таксиса, входит в характеристику этой категории со времени её экспликации Р.О. Якобсоном. Такого разграничения придерживается и большинство современных исследователей таксиса. Оправданность деления таксиса на зависимый и независимый подвергается сомнению в концепции коммуникативной грамматики Г.А. Золотовой. Она видит противоречие в самом термине «независимый таксис» [2001, 171]. Поскольку таксис – это отношение между двумя элементами, то один элемент, взятый вне этого отношения «...никакого таксиса не выразит, а выражая его относительно другого, тем самым становится в таксисную зависимость от него». Формально-грамматическая, в том числе и морфологизованная, зависимость одного из предикатов полипредикативного комплекса, признаваемая функционально-семантической и типологической концепциями в качестве критерия деления на независимый и зависимый таксис, по указанной выше причине в концепции Г.А. Золотовой не признается.

А.В. Бондарко [2001, 234-242] трактует различия между зависимым и независимым таксисом следующим образом. *Зависимый таксис* – это временное отношение между действиями, одно из которых является основным, а второе – второстепенным (или сопутствующим). При *независимом таксисе* между действиями, находящимися в таксисных отношениях, отсутствует формально выраженная градация на основное и второстепенное. Ср. примеры: 1) *Войдя в комнату, С. сразу же зажжёт свет* – зависимый таксис; 2) *С. вошёл в комнату и сразу же зажжёт свет* или *Когда С. вошёл в комнату, он сразу же зажжёт свет* – независимый таксис. Термины *зависимый* и *независимый таксис*, как пишет А.В. Бондарко, не следует понимать в смысле наличия/отсутствия зависимости между членами таксисного отношения. Между действиями в целостном полипредикативном комплексе всегда

имеется та или иная степень содержательной и структурной зависимости. В том числе в предложениях с придаточными времени, условия, причины и др., а также конструкциях сочинительного типа. «Различия между зависимым и независимым таксисом заключается в другом: в первом случае представлена зависимость второстепенного предиката от основного, что находит выражение в отсутствии у второстепенного предиката собственной самостоятельной (абсолютной) временной отнесённости (ср. относительное время деепричастий), во втором случае такой зависимости нет, поскольку нет явно выраженной градации предикатов: ни один из них не имеет признаков второстепенности, в частности, каждый предикат имеет самостоятельную (независимую) временную отнесённость» [там же, 240].

В приведенном выше рассуждении Г.А. Золотовой интересна мысль, что член таксисной пары, взятый вне отношения к другому предикату «...никакого таксиса не выразит». Когда предикат придаточного предложения в примере А.В. Бондарко *Когда С. вошёл в комнату, он сразу же зажжёт свет* трактуется как независимый таксис, то, на наш взгляд, именно это и происходит: форма *вошёл* вне отношения к сказуемому *зажжёт* никакого таксиса и не выражает. Деление таксиса на зависимый и независимый теряет смысл, когда это грамматическое отношение никак не выражено – ни синтетически, ни аналитически. Что же касается трактовки придаточного предложения как формы выражения независимого таксиса, то здесь, видимо, требуется уточнение того, что считать средством выражения грамматического отношения.

Характеристика зависимого/независимого таксиса в трактовке А.В. Бондарко отвечает свойствам русских деепричастий, не имеющих самостоятельной временной отнесённости. Таксисные конвербы лезгинского языка могут образоваться от финитных временных форм, т.е. содержать в своём составе темпоральные показатели. Например: лезг. *Марф къванвайвили* (/къвазвайвили), *чун кIвале акъвазна* «Из-за того, что прошёл (/шёл) дождь, мы остались дома»: *къва-на* (аор.) > *къван(а)-еа* (перф.) > *къванва-й* (плюсквамперф.) > *къванвай-вили* «(дождь) прошёл-из-за-того»; *къваз-ва* (през.) > *къвазва-й* (имперф.) > *къвазвай-вили* «шёл-из-за-того». Эти конвербы имеют свою временную отнесённость. Однако они, как и русские деепричастия, не способны быть «единственной глагольной формой неэллиптического предложения (такой формой может быть только финитная)» [Недялков 2002, 14], поэтому для разграничения

зависимого и независимого таксиса в лезгинском языке более приемлемы трактовки, связанные с анализом зависимого таксиса в языках со специализированными таксисными формами, т.е. в так называемых деепричастных языках, к которым относит и лезгинский язык.

Как отмечают В.П. Недеялков и Т.А. Отаина [2001, 296-319], разграничение зависимого и независимого таксиса применительно к деепричастному нивхскому языку представлено как противопоставление *конечных (финитных)* и *неконечных (деепричастных)* форм. Финитные формы способны выступать в позиции единственного сказуемого простого предложения. Деепричастия определены как формы, которые не могут выступать в роли единственного сказуемого простого предложения. Для нивхского языка такое определение деепричастия оказывается достаточным, поскольку в нём нет причастий, инфинитива. В конечном итоге к разграничению форм, способных или не способных быть самостоятельным сказуемым, сводится и приводившееся выше определение зависимого и независимого таксиса А.В. Бондарко. Аналогичным образом не могут выступать в роли единственного сказуемого простого предложения таксисные конвербы лезгинского языка. Хотя в отличие от нивхского и русского деепричастий таксисные конвербы здесь могут иметь формы времени, они, тем не менее, всегда предполагают наличие другой, финитной или нефинитной, опорной формы глагола, с которой сопряжена данная форма. Зависимая и опорная формы объединяются в работе В.П. Недеялкова и Т.А. Отаиной понятием *таксисной пары*. *Таксисная пара* – это зависимая и независимая глагольные единицы. При этом форма, независимая в отношении данной зависимой единицы, может, если она тоже конверб, в свою очередь, зависеть от третьей формы, т.е. таксисная пара зависимой и независимой единиц – это не обязательно конверб и финитная форма. Это может быть пара из конверба и другого конверба. Независимая единица в такой паре (финитная или тоже конверб) – это *опорная форма*.

С разграничением зависимого и независимого таксиса пересекаются вопросы типологии таксиса в различных языках. По существующим наблюдениям в языках мира представлены две основные модели выражения таксиса в глагольных системах: *нефинитная* и *комбинированная* [Плунгян 2000, 271-273]. В первой модели таксисные отношения выражаются специализированными глагольными единицами, которые обычно не имеют значений абсолютного времени и в синтаксическом плане

являются зависимыми от главного предиката, который и выражает абсолютное время. «С морфо-синтаксической точки зрения такие зависимые таксисные формы являются адъективными (т.е. «причастиями») либо адвербиальными (т.е. «деепричастиями»)» [там же, 271]. Нефинитная модель считается характерной для русского и других славянских языков (где для выражения предшествования используется деепричастие СВ, одновременности – деепричастие НСВ), а также алтайских, уральских и других языков, и в том числе дагестанских языков.

В рамках нефинитной модели имеются, как нам представляется, разновидности морфологического таксиса, кардинально отличающиеся от зависимого таксиса русского языка. Такая характеристика русских деепричастий, как отсутствие у них значений времени, отличает их от таксисных конвербов лезгинского языка. Заметим также, что в числе форм зависимого таксиса называются не только деепричастия. Как отмечалось выше, таксисные формы глагола в лезгинском языке можно назвать деепричастиями лишь условно, исходя из их адвербиальных функций. Морфологические же характеристики этих единиц – мотивированность финитными формами, наличие своей словоизменительной парадигмы и др. – отличают их от деепричастий.

Вторая модель таксиса, которую В.А. Плунгян называет *комбинированной* [там же, 272], характеризуется тем, что в глагольных формах одновременно выражаются граммема как относительного, так и абсолютного времени. Формы прошедшего времени выражают значения предшествования в прошлом и одновременное в прошлом, формы будущего – предшествование в будущем и одновременность в будущем и др. В традиционных описаниях такие формы получают и специальные названия, например, *плюсквамперфект* выражает предшествование в прошлом, *имперфект* – одновременность в прошлом относительно момента речи. Такая модель выражения таксиса является, как пишет В.А. Плунгян, одной из самых ярких особенностей глагольных систем романских, германских языков, а также болгарского.

Во второй модели, как видим, речь идёт о так называемых *относительных временах*. Они представлены и в лезгинском языке. Относительные времена, и в тех случаях, когда они выражают именно таксисные отношения, принадлежат к сфере независимого таксиса. Как мы видели выше, основной критерий при разграничении зависимого и независимого таксиса – это спо-

способность глагольной формы быть независимым сказуемым. А относительные времена такой способностью обладают. В лезгинском языке мы их рассматриваем как формы, которые указывают на время перцепции действия, не совпадающее с моментом речи. Ср. *перцептивное время*, которое определяется как пространственно-темпоральная позиция говорящего, его перемещающийся «наблюдательный пункт», т.е., относительное время не обязательно выражает таксисные отношения [Золотова 2002, 8-29]. Напр.: лезг. *Накъ хуъре жив къвазвай/къванвай* (имперфект/плюсквамперфект) «Вчера в селе снег шёл/выпал (и лежал)» – здесь таксиса нет; ср. *Зун (1)хкъвазвайла, жив (2)къвазвай* «(1)Когда я возвращался, (2)шёл снег» – таксис, одновременность.

Как показывают уже предварительные наблюдения, приводившиеся выше по ходу изложения теоретических подходов к анализу материала, в лезгинском языке представлены и специализированные таксисные конвербы, и относительные времена. Собственно морфологическую категорию таксиса

представляют таксисные конвербы, относящиеся к сфере зависимого таксиса. При этом функционально зависимому таксису в лезгинском языке полностью соответствует придаточное времени в русском языке, трактуемое как независимый таксис.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Золотова Г.А. К вопросу о таксисе// Исследования по языкознанию: Сб. статей к 70-летию А.В. Бондарко. СПб., 2001.
2. Золотова Г.А. Категория времени и вида с точки зрения текста// ВЯ. 2002. №3.
3. Бондарко А.В. Принципы функционирования грамматики и вопросы аспектологии/А.В Бондарко. М., 2001.
4. Недялков И.В. Зависимый таксис в разноструктурных языках: значение одновременности/предшествования/следования// Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность/вариантность. СПб.: Наука, 2002.
5. Недялков В.П., Отаина, Т.А. Типологические и сопоставительные аспекты анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // ТФГ. М., 2001.
6. Плунгян В.А. Общая мофология. Введение в проблематику: Учебное пособие. М., 2000.